

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4024336>

УДК 82-3

Ряпов Р.И.

Ряпов Руслан Игоревич, аспирант, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. 295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 2. E-mail: rryapov@gmail.com.

Травелог как диалог: к постановке проблемы

Аннотация. В статье рассматривается диалогичность травелога как одна из жанровых особенностей. Уделяется внимание выявлению вектора, в рамках которого протекают взаимоотношения путешественника (автора травелога) с инокультурным пространством. В работе доказано наличие особой (косвенной) формы диалогичности травелога.

Ключевые слова: травелог, диалог, межкультурная коммуникация, путешествие, А.У. Кинглейк.

Рyapov R.I.

Ryapov Ruslan Igorevich, post-graduate, Crimean Federal University. 295000, Russia, Crimea Republic, Simferopol, Akademika Vernadskogo av., 2. E-mail: rryapov@gmail.com.

Travelogue as a dialogue: towards a problem statement

Abstract. The article explores the potential dialogical feature of travelogue as one of genre peculiarities. The research work is focused on exposure of the vector by which the interrelations between a traveler (the author of travelogue) with other-cultural space. There is existence of particular form of dialogical characteristics of travelogue proved.

Key words: travelogue, dialogue, cross-cultural communication, travelling, A.W. Kinglake.

Литературоведение на сегодняшний день позволяет взглянуть на жанр травелога с различных сторон. Многообразие концепций и методологических подходов при изучении этого жанра в значительной степени определило не только особенности травелога как подвида эпических жанров, но и способствовало более детальному его разбору на составные, жанрообразующие и, соответственно, присущие только ему части. Об этом свидетельствуют работы литературоведов не только отечественного, но и зарубежного уровней, а именно В.М. Гуминского, А.А. Майга, М.В. Аксеновой, И.Ф. Головаченко, Т. Кочкаровой (Т. Kochkarova), С. Калзати, (S. Calzati), Н. Тирякиоглу (N. Tiryakioglu) и пр. Каждая из работ

вышеперечисленных авторов привносит свой интерпретационный оттенок, исследовательский вектор в рассмотрение травелога. Однако, несмотря на обширный диапазон исследований в области травелога, некоторые его сферы остаются по-прежнему неисследованными. Изучение одной из таких лакун в травелоге, а именно его потенциальной диалогичности, и посвящено данное исследование.

Как и любое художественное произведение, принадлежащее роду эпики, травелог обладает целым рядом характеристик. В данном случае речь идет о таких литературоведческих категориях, как биографический автор, герой, рассказчик/повествователь, сюжет, композиционная структура и т.д. [11; 12]. Однако

важно понимать, что эти компоненты не присущи сугубо травелогическим текстам, поскольку наблюдаются у всех без исключения жанров эпики; в контексте травелога эти элементы характеризуются особостью, своего рода неповторимостью, что, по сути, делает травелог травелогом. Некоторыми из таких особенностей выступают свойственные эпике элементы, а именно инвариативная речевая структура, которая подразумевает под собой специфику взаимодействия субъектов речи в произведении, а также «нераздельность-неслиянность мира и героя в событии», «фрагментарность», «циклическость и кумулятивность сюжетных схем» [11, с. 281, 290, 286, 294].

Беря во внимание концепции и методологические подходы перечисленных выше авторов, можно сказать, что в области травелога изучено далеко не все, однако известно многое. Более того, некоторые вопросы касательно травелога на сегодняшний день являются предметом дискуссий среди исследователей-литературоведов. Так, согласно концепциям В.М. Гуминского, М.В. Аксеновой, А. Шенле, фундаментальной основой для травелога выступает именно документальная его составляющая, то есть задокументированное осуществленное путешествие. Другими словами, сюжетообразующим в травелого является путешествие, пространство («город или городской контекст») и «перемещения в нем» [7, с. 377; 3, с. 314-315; 1, с. 171; 13, с. 272]. Дискуссионный момент здесь проявляется в том, что существуют и другие литературоведческие концепции рассмотрения травелога, согласно которым путешествие, наоборот, может не выступать в роли главного, ядерного элемента, а, напротив, представляет второстепенное, если не эпизодическое в травелого, вследствие чего травелог выступает в качестве «бессюжетного повествования» [2, с. 55; 10, с. 91]. Несмотря на то, что вышеуказанные концепции противопоставлены друг другу, их анализ позволяет выявить тот ядерный элемент, который и

выступает основой травелога. Проблема здесь заключается в том, что травелог представляет собой именно путешествие, о котором рассказано, но не рассказ, посвященный путешествию. На первый взгляд, может показаться, что оба этих высказывания тождественны друг другу, однако это не так. Необходимо разобраться в этом, чтобы перейти к следующему этапу рассмотрения основной проблематики данной работы.

Если основу травелога составляет не что иное, как путешествие, очевидно, что оно требует наличие путешественника как такового, которым и выступает сам автор (автор эмпирический): его опыт, взаимодействие с инокультурной средой, попытки ее интерпретации – все это имеет под собой документальное, реалистическое подспорье, что и наделяет травелог присущими ему особенностями. В противоположном случае, когда путешествие воспринимается как маргинальное, не обладающее особыми функциями в рамках художественного произведения, то условие наличие автора-путешественника также становится необязательным, что, соответственно, нивелирует акт путешествия как таковой. В результате читатель имеет дело с эпическим произведением, в котором нет путешественника (может не быть) и отсутствует его непосредственный, прямой контакт с иностранным. Другими словами, теряется единственная характеристика, которая делает травелог травелогом в его литературоведческом понимании. Таким образом, более объективным, прагматичным и обоснованным нам представляется подход, подразумевающий путешествие и травелог как неотъемлемые части одного целого.

На наш взгляд, чтобы провести фундаментальный анализ предполагаемой диалогичности травелога или проверить достоверность тезиса «травелог есть диалог», необходимо данное исследование начать с такой наиболее заметной особенности травелога, как место автора в нем. Как нами уже было отмечено ранее,

автор в травелоге в обязательном порядке должен быть путешественником. Почему? Потому что именно совершение акта путешествия позволит ему балансировать между такими имагологическими категориями, как «свое» и «чужое», контактировать с новым и ранее не известным, относящимся к другой культуре, другой стране, другому миру. Травелог являет собой «субъективное описание пути», в котором подчеркивается особое место автора (путешественника) [5, с. 18]. Более того, О.А. Андреева считает, что травелог для автора это всегда «его диалог с городом, с местом, с культурой» [9; 8, с. 6]. С данным утверждением сложно не согласиться, однако исследователь вводит категорию диалогичности травелога, которая, сама по себе, является достаточно дискуссионной.

Говоря о потенциальной диалогичности травелога, важно учитывать несколько немаловажных факторов. Во-первых, диалог подразумевает под собой коммуникативное «взаимодействие равноправных субъектов», акт, при котором в результате общения остается результат в виде полученной информации [6, с. 50]. Здесь обозначен ключевой факт диалога, состоящий в равноправности его участников. Необходимо понимать, что, другими словами, диалог – это действие, при котором говорят двое, а не повествование одного в присутствии другого. Гипотетическая установка данной работы предполагает, что травелог, в частности британский травелог 19 века, подразумевает под собой именно последнее, поскольку в нем доминирует перцептивная сторона автора-путешественника, посредством которой репрезентируется инокультурный мир. Более того, здесь необходимо учитывать тот факт, что сам акт путешествия, подразумевая под собой обязательное возвращение на родину (исходная точка), задает особый вектор восприятия инокультурной сферы, который как бы изначально дистанцирует автора от всего инокультурного, несмотря на его полную вовлеченность в него (инокуль-

турное). Такое условие, на наш взгляд, уже заметно ставит под сомнение потенциальную диалогичность травелога, что будет проверено на практике.

Во-вторых, сама структура травелога подразумевает под собой четкое разграничение, ранжирование действующих лиц, что подразумевает диалогичность травелога как неотъемлемую его часть. Однако наличие диалогов внутри художественного произведения между персонажами, включая и самого автора-путешественника, не указывает на диалог в масштабах всего травелога, а лишь указывает на взаимодействия субъектов речи. Здесь важно разграничить две категории диалога: прямой (непосредственный коммуникативный контакт двух или более говорящих субъектов) и косвенный (акт информационного взаимодействия, осуществляющийся непосредственно, инерционно). Исходная позиция данного исследования предполагает вверение травелогу косвенной формы диалога, несмотря на наличие прямых его форм.

Особо ярко подчеркивается специфика взаимодействия, «диалогичности» культур в травелогах, посвященных ориенталистскому дискурсу. Это обуславливается резкой противопоставляемостью восточной и западной культур друг другу. С целью проверки действительности высказанных выше гипотез необходимо провести анализ практического материала, которым в данном исследовании будет выступать травелог английского путешественника А.У. Кинглейка под названием «На востоке» (A.W. Kinglake «Eothen») [14]. Особенность данного травелога заключается в том, что он представляет собой восприятие европейским человеком, англичанином, менталитета, культурной специфики, инокультурного пространства Турции, олицетворяющей, в свою очередь, восток как концепт. Более того, это произведение соответствует уже указанным нами ранее чертам травелога: автор-путешественник, совершающий реальное путешествие, отображающий иностранный колорит посредством соб-

ственного восприятия и английских менталитетных категорий. Так, важно обращать внимание на исторические, религиозные и этнокультурные достопримечательности Турции, точнее, на специфику восприятия их автором, что будет прямой характеристикой вектора диалогичности таких имагологических категорий, как «свое» и «чужое».

Первый контакт с инокультурным пространством, вступление в имплицитный диалог с восточным миром осуществляется на подъезде к городу Белград, который хоть и находится на территории современной Сербии, все же в 19 веке принадлежал Османской Порте. Рассмотрим на примере «вступление в диалог» автора и турецкого пространства.

1. «...southward, I saw the Ottoman's fortress – austere, and darkly impending high over the vale of the Danube – historic Belgrade» [14, с. 1]. – «Но на юге глаза мои встречали уже мрачную турецкую крепость – исторический Белград» [4, с. 1]. Из приведенного примера благодаря эпитетной линии четко ощущается ассоциация Турции (как диалогичного собеседника в данном случае) с «мрачным» внешним видом турецкой крепости. Сам автор настороженно, с тревогой относится к инокультурному «собеседнику».

2. «If you would go from your hotel to the Bazaars, you must go by the bright, blue pathway of the Golden Horn, that can carry a thousand sail of the line» [14, с. 30]. – «Из вашей гостиницы ... путь на базар лежит через Золотой Рог, где может поместиться тысяча линейных кораблей» [4, с. 27]. В данном примере отображается восприятие водных достопримечательностей столицы Османской империи – Стамбула. Примечательно, что автор-путешественник изображает собственное впечатление от ширины и масштабности такого маринистического объекта, как Золотой Рог, исключительно с позиции потенциальной его обороноспособности, указывая на возможность размещения тысячи суден. Его не впечатляет глубина и насыщенность цвета вод Золо-

того Рога, он не упоминает важность, которой обладает этот локус для турок. Не упоминает автор и о том, что он (пролив) разделяет Стамбул на северный и южный секторы. Все вышеперечисленное необходимо брать во внимание с целью дальнейшего аккумуляирования в выводах исследования.

3. «Even if we don't take a part in the chaunt about «Mosques and Minarets», we can still yield praises to Stamboul» [14, с. 30]. – «Мы отнюдь не намерены участвовать в концерте восхвалений стамбульский мечетей и минаретов, но все же похвалим кое-что и в Стамбуле» [4, с. 27]. Самое прямое отношение автора-путешественника к религиозному аспекту инокультурного и посещаемого им пространства отображен в данном примере. То, что является сакральным для обитателей восточного мира, а именно мечети и минареты, равно как и восхищения ими, для автора не имеют никакого значения. Более того, он намеренно отделяет характерные исламу признаки от столицы Османской Порты, поскольку только таким образом он может дать оценку этому городу. Подытоживая, можно сказать, что с центром Турции у британского путешественника отсутствуют ассоциации религиозного содержания, религия востока попросту не имеет для него значения, что также определяет вектор взгляда автора травелога на инокультурное пространство.

Продолжая тему религиозного аспекта, важно отметить, что начало турецкой земли, как и всего турецкого, отождествляется у автора-путешественника не столько с исламом как религией востока, как с полным антиподом христианства. Это становится очевидным из представленного ниже примера:

4. «... (he) held forth his hand – I met it with mine, and there was an end to Christendom for many a day to come» [14, с. 3]. – «Я пожал [руку], и мы надолго расстались с христианским миром» [4, с. 3].

Примечательно, что принадлежность к исламу, соответственно, все мусуль-

манское ассоциируется автором более с негативными характеристиками. Например:

5. «*The Moslem quarter of a city is lonely and desolate; you go up and down, and on over shelving and hillocky paths through the narrow lanes walled in by blank, windowless dwellings*» [14, с. 5]. – «*Мусульманский квартал в восточном городе пуст и уныл; вы восходите и нисходите по неровным тропинкам, кривые и жалкие улицы ограждены печальными стенами, в которых не прорублено ни одного окна*» [4, с. 5]. Здесь мы можем наблюдать, что мусульманский объект репрезентируется такими эпитетами, как «пустой», «унылый», улицы этого (мусульманского) квартала «кривые», «жалкие», «безоконные». В подобном описании ощущается перцепция того, что все мусульманское отождествляется с указанными выше эпитетами, следовательно, все немусульманское – нет, что подтверждается следующим примером:

6. «*Painfully struggling against the obstacles to progression interposed by the many folds of her clumsy drapery, by her big mud boots, and especially by her two pairs of slippers, she works her way on full awkwardly enough, but yet there is something of womanly consciousness in the very labour*» [14, с. 34]. – «*Отчаянно борясь с препятствиями, мешающими двигаться вперед, находясь под многочисленными сгибами ее неудобной ткани, в больших грязных сапогах, и особенно в парах туфель, она обезоруживающе неуклюже прокладывает свой путь; но также существует кое-что в сознании этой женщины, что позволяет ей идти, прилагая немало труда и усилий, и нести бремя своего обаяния и шарма*» [4, с. 31]. В данном текстовом фрагменте прослеживается осуждающая позиция автора по отношению к религиозному одеянию женщины востока – хиджабу. Он намеренно называет его «неудобной тканью», которая заставляет ее движения быть «обезоруживающе неуклюжими». Немаловажно обратить внимание на то, что представление религиозно-

го одеяния как «препятствия, мешающего двигаться вперед», носит символический характер. Можно сказать, что путешественник как бы подразумевает, что все мусульманское мешает «движению вперед», в том числе и прогрессу, развитию, причем не только материального, но и интеллектуального потенциала.

Доминирующий менталитет англичанина является главенствующим признаком при описании инокультурного пространства в травелоге, что также подтверждает следующий пример:

7. «*...that that which was true in Piccadilly, must be true in Adrianople*» [14, с. 26]. – «*...что истинно в центре Лондона, должно быть столько же истинно и в Адрианополе*» [4, с. 23-24]. Автор позиционирует английский менталитет и культурную среду как эталонные, являющиеся базовыми для цивилизованных людей признаками. И любое несоответствие с этими установками подвергается резкой критике и осуждению.

Однако далеко не все в Турции А. Кинглейком воспринимается с критической точки зрения. Так, автор травелога, сравнивая европейские и восточные ценности, подходы к восприятию реальности, находит яркое противопоставление одних другим, что вызывает в нем восхищение:

8. «*The Europeans, during the prevalence of the Plague, carefully avoid the touch of every human being whom they pass;... the Moslem stalks on serenely, as though he were under the eye of his God, and were "equal to either fate"*» [14, с. 32]. – *Пока свирепствует чума, европейцы выходят на улицу только в необходимых случаях и тщательно избегают всякого соприкосновения с людьми; ... мусульманин идет без всякого опасения, будучи уверен, что на нем покоится взор Господень; он совершенно примирен с судьбою, одинаково готов жить или умереть* [4, с. 29]. Автор подчеркивает наличие таких черт в турках, как бесстрашие, смелость, отвага и даже хладнокровность к невзгодам и неприятностям. Особое восхищение ав-

тора вызывает их пренебрежительное, даже вызывающее бесстрашие перед смертью, чего, по мнению автора, недостает европейским нациям. Примечательно то, что те качества, которые свойственны туркам (см. выше), а именно восхищение ими, прослеживается сквозь все путешествие. Так, к ним добавляется восхваление чувства собственного достоинства турок, их внутренняя сила и жесткость характера. Единственная причина, по которой А. Кинглейк так преподносит эти характеристики, заключается в том, что они представляют турок как настоящих воинов, что становится очевидным из примеров ниже.

9. *«The man whose head was thus pledged for our precious lives was a glorious looking fellow, with the regular, and handsome cast of countenance, which is now characteristic of the Ottoman race»* [14, с. 14]. – *«В наружности человека, которого голова служила залогом нашему драгоценному существованию, было что-то внушающее. Черты его отличались правильностью и красотой, общими всей турецкой нации»* [4, с. 13].

10. *«The long drooping mustachios, and the ample folds of the once white turbans, that lowered over the piercing eyes, and the haggard features of the men, gave them an air of gloomy pride, and that appearance of trying to be disdainful under difficulties»* [14, с. 5]. – *«Длинные, отвисшие усы, белые некогда чалмы, крупными складками ниспадающие на пронизательные глаза, и сухие, жесткие черты лица, – все это придавало храбрым воинам вид дикой гордости, все говорило об усилении выказывать презрение к своему жалкому положению»* [4, с. 4].

Таким образом, подводя итоги данного исследования, можно сказать следующее. Благодаря проведенному литературоведческому анализу нам удалось установить, что травелог не обладает такой характеристикой, как диалогичность в привычном ее понимании. Безусловно, автор-путешественник вступает в комму-

никативный контакт с инокультурной средой, с нравами, обычаями, особенностями архитектуры, пейзажами, жизненным укладом. Однако подобное взаимодействие не может называться прямым диалогом, поскольку вышеуказанный контакт со всем иностранным осуществляется по принципу «я говорю о них», а не «я говорю с ними». Из приведенных примеров очевидным становится тот факт, что восприятие турецкой среды, равно как и всего восточного, выстраивается исключительно согласно имагологическому принципу – противопоставлению «чужого» «своему». Иными словами, травелог обладает диалогичностью, но достаточно своеобразной, потому как диалог в рамках травелога осуществляется автором с «я-культурой» и инокультурным пространством. Путешественником инициируется вопрошание у инокультурной среды о ее особенностях, в результате чего он получает не прямой, косвенный ответ в виде репрезентации увиденных инокультурных реалий сквозь призму собственного восприятия. Это объясняет то, почему английского путешественника не производили впечатления достопримечательности или же ценные для турок аспекты их жизни: это происходит лишь по причине того, что характеризуемые автором аспекты противоречат или же не обладают такой же значимостью для английского менталитета в силу несоответствия таковому. Восхищения же заслуживают лишь те элементы, которые схожи, приемлемы или же восхваляются в английской картине мира. Таким образом, удалось установить, что в травелоге отсутствует прямой диалог в привычном его понимании, но имеет место быть особый «диалог культур» со специфической внутренней организации, в рамках которого устанавливается разделение на Европейское (британское) и Антиевропейское (антибританское), где последнее всегда на порядок ниже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №3 (31). С. 170-176.
2. Головченко И.Ф. Литературное путешествие: проблема жанра // Вестник Тверского государственного университета. 2017. №1. С. 32-38.
3. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. Москва: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. 608 с.
4. Кинглейк А.У. Путешествие английского туриста по Востоку // HomLib. URL: <http://homlib.com/read/kinglek-au/puteshestvie-angliyskogo-turista-po-vostoku>
5. Конопко К.С. «Свое», «другое», «чужое» в травелогах Антона Ашкерца. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 93 с.
6. Липич Т.И. Диалог как форма взаимодействия культур // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. С. 50-54.
7. Мартынюк Е.Б. Травелог как взаимодействие личной культуры автора и общекультурного взаимодействия // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. 2018. С. 376-381.
8. Рокина Г.В. Травелог как исторический источник // Запад – Восток. 2016. №9. С. 5-8.
9. Сибирский форум – интеллектуальный диалог: интервью О.А. Андреевой // Сибирский форум. 2015. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/776>
10. Скибина О.М. Путевой очерк: «синкретизм» жанра (на примере русской публицистики XIX века) // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. №4. С. 88-97.
11. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.
12. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. Москва: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.
13. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840. Санкт-Петербург: Академический проект Санкт-Петербург, 2004. 272 с.
14. Kinglake A.W. Eothen. Paris: Leipzig, 1846. 308 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aksenova M.V. Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvij // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2018. №3 (31). S. 170-176.
2. Golovchenko I.F. Literaturnoe puteshestvie: problema zhanra // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. №1. S. 32-38.
3. Guminskij V.M. Russkaja literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste. Moskva: In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 2017. 608 s.
4. Kinglejk A.U. Puteshestvie anglijskogo turista po Vostoku // HomLib. URL: <http://homlib.com/read/kinglek-au/puteshestvie-angliyskogo-turista-po-vostoku>
5. Konopko K.S. «Svoe», «drugoe», «chuzhoe» v travelogah Antona Ashkerca. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2017. 93 s.
6. Lipich T.I. Dialog kak forma vzaimodejstvija kul'tur // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2009. S. 50-54.
7. Martynjuk E.B. Travelog kak vzaimodejstvie lichnoj kul'tury avtora i obshhekul'turnogo vzaimodejstvija // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod. 2018. S. 376-381.
8. Rokina G.V. Travelog kak istoricheskij istochnik // Zapad – Vostok. 2016. №9. S. 5-8.
9. Sibirskij forum – intellektual'nyj dialog: interv'ju O.A. Andreevoj // Sibirskij forum. 2015. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/776>
10. Skibina O.M. Putevoj ocherk: «sinkretizm» zhanra (na primere russkoj publicistiki XIX veka) // Voprosy teorij i praktiki zhurnalistiki. 2014. №4. S. 88-97.
11. Tamarchenko N.D., Tjupa V.I., Brojtman S.N. Teorija literatury. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 512 s.
12. Tjupa V.I. Analiz hudozhestvennogo teksta. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2009. 336 s.

-
13. Shenle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij 1790-1840. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt Sankt-Peterburg, 2004. 272 s.
  14. Kinglake A.W. Eothen. Paris: Leipzig, 1846. 308 p.

Поступила в редакцию 08.07.2020.

Принята к публикации 13.08.2020.

Для цитирования:

Ряпов Р.И. Травелог как диалог: к постановке проблемы // Гуманитарный научный вестник. 2020. №8. С. 125-132. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/08/Ryapov.pdf>